

**НИКОЛАЙ
БЕЛАВИН**

НАЙДЕНКА

Николай Белавин

Найденка

«Public Domain»

1901

Белавин Н. М.

Найденка / Н. М. Белавин — «Public Domain», 1901

«Она сидела, зажав руки между колен, съежившись от холода, и плакала, как плачут дети, когда утомятся от долгого плача – тоскливо, монотонно, надрывающе. Было свежо. Солнце еще не взошло, птицы не проснулись. Стояла та напряженная тишина, которая предшествует восходу солнца. Везде кругом – в поле, в лесу, над селом – скопилась масса звуков, и они повисли в воздухе, как будто в ожидании сигнала зашуметь и на целый день наполнить неумолкающим гомоном всю окрестность. Они, эти повисшие в воздухе звуки, как будто о чем-то перешептывались между собой, как резвые дети перед запертой дверью, за которой их ожидает блестящая елка: но она еще не готова, и дети, толкаясь на цыпочках в соседней комнате, сдержанно шушукаются между собой...»

© Белавин Н. М., 1901

© Public Domain, 1901

Содержание

I	5
II	8
III	10
IV	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Николай Белавин

Найденка

(Из воспоминаний детства)

I

Она сидела, зажав руки между колен, съезжившись от холода, и плакала, как плачут дети, когда утомятся от долгого плача – тоскливо, монотонно, надрывающе.

Было свежо. Солнце еще не взошло, птицы не проснулись. Стояла та напряженная тишина, которая предшествует восходу солнца. Везде кругом – в поле, в лесу, над селом – скопилась масса звуков, и они повисли в воздухе, как будто в ожидании сигнала зашуметь и на целый день наполнить неумолкающим гомоном всю окрестность. Они, эти повисшие в воздухе звуки, как будто о чем-то перешептывались между собой, как резвые дети перед закрытой дверью, за которой их ожидает блестящая елка: но она еще не готова, и дети, толкаясь на цыпочках в соседней комнате, сдержанно шушукуются между собой.

Вдруг откуда-то вырвался, как будто нечаянно, как будто он и не ожидал, что так выйдет, вырвался и прозвенел один стройный, мелодичный звук; не успел он растаять в утреннем безмолвии, как вслед за ним вырвался другой, такой же, но только выше и длиннее, потом третий, четвертый... и от дальнего конца, от засеянных полей, полились ясные, печальные переливы пастушьего рога.

Пастух играл очень хорошо и так печально, что девочка на минуту примолкла, а потом заняла еще тоскливее.

Этот пастуший рог и был сигналом для скопившихся в воздухе звуков. Заскрипели ворота, заблеяли овцы, запели, не смолкая, петухи, раздались человечесьи голоса.

На востоке, над горизонтом, залитым огнем, показался верхний край солнца. Из села пешком и на телегах народ потянулся в луга.

Бабка Оксинья Кашеева вышла доить коров и только что приладилась с дойником к корове, как вдруг услышала где-то на задворках детский плач. Она поставила дойник на опрокинутые сани и через задние ворота вышла на огород. Там, у картофельной полосы, на груде старой соломы сидела девочка и плакала. Около неё валялась большая синяя тряпка, служившая в оно время кому-то сарафаном. Девочка взглянула на старуху и с прежним равнодушием продолжала тянуть унылую ноту.

– Господи Иисусе! – удивилась старуха, вглядываясь в незнакомую девочку. – Ты чья? – нагнулась она к ней. Девочка не отвечала. – Чья ты? откуда?.. а?... Что ты не баешь? – Опять ни слова. – Айда в избу! вишь назяблась, инда посинела! – старуха взяла девочку за руку и хотела поднять на ноги. Девочка взвизгнула, выдернула руку и заплакала еще громче. – Экий постреленок, прости, Господи! – проговорила старуха и пошла назад. Минуты через две все большаки Кашеевы спешили на задворки.

– Мм... чумаза кака! – протянула старшая сноха, Марья.

– Да чья же это? – сказала вторая сноха, Дарья.

– Родимые!.. ведь, знать, подкинули.

– И то! вон одевка, – переговаривались между собой бабы. Девочка продолжала ныть, не обращая внимания на окружающих.

– Ну, ладно лалакать-то: в луга пора! Бери ее, Марья, в избу! – приказал своей жене Василий, старший брат, набольший в доме. Марья подхватила девочку под локти, чтобы поднять, но та вдруг с громким криком припала к её руке, намереваясь укусить.

– Ах, чтоб те пришибло! – проговорила Марья, отнимая руки, и девочка снова брякнулась на солому. Василий с сердцем вскинул девочку на руки и понес домой. Она закричала, забилась руками и ногами, начала щипаться, царапаться, но не проронила ни одного слова. Василий внес ее в избу и скинул с рук на лавку. Девочка, заложив руки за спину, крича во весь голос, впивалась в глаза окружающих упорным, блестящим взглядом, как бы готовясь броситься на кого-нибудь.

Кашеевы наскоро закусили и тут же ушли в луга. Дома осталась бабка Оксинья, да старый дед Влас, муж её, восьмидесятилетний старик, за свое благодушие признанный выжившим из ума. Девочка все продолжала кричать. Бабка, наконец, начала браниться. Дед попробовал было утешить девочку, но, заметив, что она старалась нарочно громче кричать, чтобы не слышать его увещаний, отступился. «Ну, ну, наревешься, сама перестанешь», – закончил он свои назидания.

Проснулась на шум и мелюзга Кашеевых, вповалку спавшая на полу, в сенях. Они удивленно обступили плакавшую девочку, не успев как следует очнуться от сна.

– Это, дедка, чья? – спросила Оленка, старшая внучка стариков, лет шести, с любопытством тараща на гостью свои заспанные глаза.

– Богова, – отвечал дед.

– Нет, исправда?

– Исправда, Богова.

– Бабка, он хвастант? – обратилась Оленка к бабке.

Та промолчала.

– А где ее нашли?

– Нашли-то где? На задворках у картошки, вот где.

– У нас? – с возраставшим интересом допрашивала Оленка.

– У нас, у нас.

Наслушавшись всяких рассказней о появлении в семье своих братьев и сестер, родных и двоюродных: то в крапиве нашли, то сорока на хвосте принесла, то сам прилетел и проч., – Оленка чрезвычайно заинтересовалась девочкой.

– А что она какая большая?

– Да уж такую нашли.

– Нет, исправда?

– Исправда и есть.

– Что она ревет?

– Кто ее знает; вот ты взяла бы и утешила, – посоветовал дед.

– Ну, нишкни, чего тебе? – приговорила Оленка, подсаживаясь к девочке. Она дружелюбно обняла ее за спину и подолом своего сарафана начала вытирать ей чумазое личико. Вдруг та схватила ее зубами за пальцы. Оленка взвизгнула и рванула руку к себе, но девочка так крепко вцепилась, что всем корпусом подалась вслед за рукой, а зубов не разжала. Ребятишки с криком заметались около. Подбежала бабка. Увидав, в чем дело, она кинулась отнимать Оленку. Старый дед тоже тумашился около.

– Пусти! Пусти, говорят... ах, дьяволенок!.. – кричала бабка, задыхаясь от злобы и напрасных усилий. Оленка верещала, что было сил, но девочка руки не выпускала. Бабка схватила ее за горло, и та, наконец, разжала зубы. Рог её был полон крови! Оленка вынула искусанные пальцы и, продолжая кричать, замахала от боли рукой, разбрасывая кругом капли крови.

– Покажь! покажь! – кричала бабка, хватая Оленку за руку. А девочка – найденка, обхватив руками свою шею, блестящим взглядом пронизывала толпившихся около неё ребятишек и уж не плакала.

– Ах, чтоб те издохнуть, поганке! – вскрикнула бабка, осмотрев окровавленную руку, и костлявым кулаком ткнула девочку в лицо. Удар был очень силен: девочка откинулась назад

и с глухим стуком ударилась головой в стену. Это было сигналом к нападению на нее всей мелюзги. Кто бил ее кулаком, кто ладонью, кто щипал, кто царапал. Девочка сидела в самой беззащитной позе – сложив ноги калачиком и закрывши лицо руками, без единого звука. Из-под ладони и сквозь пальцев у неё сочилась кровь – это уж её собственная: бабка разбила ей нос и рот.

– Бога в тебе нет! – крикнул на старуху дед и кинулся отнимать у ребятишек девочку; но кто-то вцепился ей в волосы, и она боком свалилась с лавки на под. Ребятишки раздались. При падении дырявая рубашенка поднялась у девочки до пояса, и на спине её обнажились огромные разбереженные рубцы и ссадины с проступавшею местами кровью; но их видела, и то мельком, только мелюзга. Девочка быстро поднялась на ноги и проворно, как кошка, взобралась на печь.

Понемногу все успокоились. Ребятишки поели и разбрелись; дед уж перестал ворчать на бабу; бабка не огрызалась на деда, только Оленка продолжала плакать, качая обмотанную искусанную руку.

Весть о подкидыше тотчас же разнеслась по селу. До полден перебивало у Кашеевых все оставшееся в деревне население. Девочка сидела в самом углу на печи и, как пойманный зверёк, сверкала оттуда на всех глазами. Она была лет около пяти, с большой всклокоченной головой, со спадавшими наперед густыми космами выцветших на солнце волос, из-под которых сверкала с зеленоватым отливом упорно и недружелюбно смотревшие глаза; верхняя губа и нос её сильно припухли, но, несмотря на это, её чумазое донельзя личико было красиво, особенно её зеленоватые глаза. Вскоре девочка, вероятно, продрогнув всю ночь и утомленная утренней сценой, свернулась в углу и заснула. Оленка уже спала на кутнике, в защиту от мух закрывшись подолом сарафана.

II

Найденка (так после все называли девочку) проснулась от мучительного голода. Было уже довольно поздно. Она приподнялась и осмотрелась. Из чулана (угол за перегородкой впереди печи) доносился мерный стук решета, – это бабка сеяла муку. Оленка сидела у окна на лавке и что-то жевала. «Ест.... лепеску.... Не левет», – чуть слышно прошептала девочка, рассматривая Оленку, и опять прилегла. Но, вероятно, от голода ей не лежалось. Почти тотчас же она опять приподнялась и, выглядывая из-за печной трубы в чулан, начала что-то старательно высматривать. Опершись руками на полено лучины, девочка потянулась вперед, чтобы заглянуть в угол на лавку, где у крестьян обыкновенно хранится хлеб. Вдруг полено под руками опустилось, другой конец приподнялся и, опрокинутый на него жестяной подойник со звоном полетел на пол. Бабка с Оленкой вздрогнули. Оленка даже с лавки спрыгнула.

– Что тебя лешие-то ломают, чтоб те разорвало! – закричала бабка. Затаив дыхание и крепко зажмурив глаза, девочка упала ничком в самый угол и лежала – ни жива, ни мертва.

– Это она, бабка, как? – спросила Оленка.

– А шут ее знает как, прости ты меня, Господи! Только на, грех наводит поганка!.. Возитя, ровно леший в поленице.... Вот как расшибла подойник-от, так я тебе задам! – заключила она и снова принялась сеять муку. А девочка боялась не только пошевелиться, но даже перевести дух, и не успела она оправиться от испуга, как вдруг бабка подошла с квашней к самой печи.

– Где ты тут? Вишь пришипилась; смотри, квашню-то не срони! – сердито приговорила она. Девочка уж не дышала от страха.

Управившись с хлебами, бабка стала накрывать на стол, чтобы, как вернуться с лугов, отужинать и спать. Найденка, затаив дыхание, прислушивалась к каждому движению её. Все существо девочки было проникнуто одной мыслью – достать хлеба: она не ела с прошлого вечера. Когда бабка на несколько минут выходила из избы, девочка с дикой решимостью вскакивала на ноги с намерением спуститься на пол за хлебом, но у неё каждый раз захватывало дыхание от страха. её маленькое сердце разрывалось от злобы на Оленку за то, что она сидела тут и мешала ей.

Пригнали стадо.

– Баба, – корова! – проговорила Оленка.

– Подь пусти, я только вот воды достану, отвечала бабка. Оленка ушла. Бабка достала из печи воды и налила в подойник.

– Ах, поганка, чтоб те издохнуть!.. расшибла дойник-от! Ах, распрострелит те горой!.. Во что теперь доить-то! Ну, дай срок, я те задам! – кипятилась бабка.

Девочка сидела с широко раскрытыми глазами и ждала расправы. Продолжая браниться, бабка налила в водоносное ведро воды и отправилась доить коров. В одно мгновение девочка спустилась на пол, схватила со стола ломоть хлеба, тут же вцепилась в него зубами и также проворно залезла на печь.

Бабка воротилась со двора в сопровождении целой ватаги своих разнокалиберных внучат. В избе поднялся гвалт. Кто канючил хлеба, кто просил пить, некоторые ссорились; бабка бранилась. Процедивши молоко, она обделила ребятишек кусками, и они убралась в сени спать. Оленка тоже ушла.

В самые сумерки, когда уже совсем стемнело, вернулись с лугов и большаки. Когда бабка рассказала историю с Оленкой и про подойник, все были сильно возмущены против девочки. Марья, мать Оленки, несколько раз порывалась на печь для возмездия, и если бы не дед, – быть бы девочке избитой.

Сели ужинать и не успели все из-за стола встать, как в избу стал набираться народ.

Пришел и староста.

– Ну-ка, кажите находку-то, – проговорил он, поздоровавшись с хозяевами.

– Вон, смотри на печи. Забилась, что еж какой! Целый день ни одинова не слазила, – желчно отвечала бабка, разогретая воспоминаниями об утре.

– Что, слышь, Оленку больно укусила?

– Чего – не больно? Разнесло руку-то – страсть смотреть; все утро в истошный голос бесперечь кричала. Ведь как вцепилась-то, родимые! насилу отняла; держит тебе, хоть ты что хошь! Я уж за горло, ну, и... а то бы... Да дойник поганка разбила! уж так жаль... И как ей лукавый помог! Теперь и доить не во что, уж в ведро подоила, – поветствовала бабка раз в десятый. Староста подошел к печке, стараясь в темноте рассмотреть девочку.

– А! вот где она! Иди-ка сюда! Не знай, как звать-то? – обратился он к бабке.

– Не бает, ни единого словечушка не вымолвила, ровно немая, братцы мои.

– Может еще никак и не зовут: на ней и креста-то нет, – злобно вставила Марья.

– А-а? И то, ведь, нет! Батюшки! – вдруг спохватилась бабка, – а мне и не вдомек... Нет, нет!.. пустая шея-то!..

Начались догадки, выводы, заключения. И без того не в пользу девочки настроенный народ, при этом известии, казалось, стал еще недружелюбнее, особенно женщины.

Староста поднялся на первый приступок. «На-ка, я что тебе дам», – проговорил он, опуская руку в пустой карман, чтобы выманить девочку из угла. Девочка прижалась к самой стене и, видимо, приготовилась защищаться. «Эк, ведь дикая какая!» – проговорил староста и, ухватив ее за подол рубашонки, потащил к себе. Девочка завизжала, упираясь ногами в кирпичи и хватаясь за стены. «Нет, брат, шалишь, теперь моя!» – шутил староста, снимая девочку с печи. Он любил детей, может быть потому, что у него их не было.

Вдруг девочка обеими руками вцепилась в его длинную бороду и с визгом начала рвать. Староста закричал от боли. Стоявшие около кинулись ему на выручку. Девочка визжала и металась, как бешеная, стараясь кого-нибудь укусить, но бороды не выпускала. Василий Кашеев стиснул своими огромными руками тоненькие руки девочки, и её пальцы разжались сами собой. Он сорвал ее с рук старосты и почти бросил на пол. Найденка простонала, поднялась с пола и, цепляясь уж только одной рукой, проворно опять залезла на печь.

Все это произошло при глубоком молчании присутствующих. Сцена была очень тяжелая.

– Ну, головушка, и больно! Кажись, за что хошь, только не за бороду, – первый нарушил тяжелое молчание староста.

– То-то же; мотри, жене не сказывай, – пошутил над ним один старик, сосед Кашеевых. Никто даже не улыбнулся на его шутку. В избе поднялся беспорядочный говор. Все, особенно женщины, на разные лады, со всевозможными комментариями утверждали, что девочка порченая.

Было уже совсем темно, когда народ начал расходиться по домам. Староста обещал на следующий день дать знать в стан относительно девочки. Изба опустела. Кашеевы разошлись по постелям.

III

Ночь. Все спит, даже собаки, и им не на кого лаять. Одна Найденка лежала с открытыми глазами, переживая в мыслях только что пережитое в действительности. Она лежала на животе и от безделья била ногами по разбросанной на печи одежде. Через растворенную дверь до неё доносилось клеканье кур на насести, топтанье овец, сопенье коров, и она шепотом называла каждый доносившийся до неё звук. «Колёвы... Овцы... Кули...» чуть слышно от времени до времени шептала она.

В сенях раздался легкий храп. Девочка притихла. «Хляпят... бабка, сяй», и, ощупав осторожно руками свое разбитое лицо, она вздохнула глубоким, прерывистым вздохом, как вздыхают наедине с собой обиженные, бесприветные дети.

– «Ой-ой-ой! пусти!» – донесся из сеней громкий бред. Найденка вздрогнула. «Оленка... больно, сяй, люку-то... И болёду-то, сяй, больно...» – снова зашептала она.

И долго так валялась Найденка по печи, перекаtywалась с места на место, и все что-то шептала. Из отдельных слов, повременам произносившихся с печи чуть слышным шепотом: «длялись... кляуль... леменем (ремнем)» и пр. – можно было догадаться, что она отдавалась воспоминаниям из своего горького прошлого. Потом ей, должно быть, надоело лежать: она осторожно спустилась на пол и села у окна на лавку, где давеча сидела Оленка.

Ночь была светлая, как день. На небе стояла луна. Найденка чуть слышно отодвинула окно, облокотилась на подоконник и, опустившись подбородком на ладони рук, стала смотреть на улицу.

Улица была как заколдованная – ни единого звука, ни единого движения, даже воздух стоял неподвижно, как будто это был краешек спящего царства. «Звезлоськи, – прошептала девочка, – вот одна, и вот одна, и вот одна,» – перечисляла она, переводя глаза от одной звезды к другой... И припомнилась ей другая ночь, но только темная и холоднее. Тогда её мать с отцом разодрались пьяные, и он выгнал их обеих на волю. они ушли к церковной ограде на луг. Мать растянулась на траве и заснула. И тогда девочке не спалось, и тогда она считала звездочки, но ей было холодно и хотелось есть. Она разбудила мать и стала просить хлеба. Та избилла ее, как могла, и опять заснула.

Донн... раздалось с колокольни среди мертвой тишины. Девочка вздрогнула. «Кляульсик», – прошептала она, прерванная в своих воспоминаниях, но взамен той ночи ей припомнилась другая, дождливая и темная, такая темная, что в окно выглянуть страшно было. И в эту ночь мать с отцом были пьяные. Отец валялся на полу, а мать еще держалась на ногах. Мать рассердилась на нее за что-то и столкнула с окна, на котором она сидела. Она упала на завалину и ударилась плечом о жердь. «Боо-ольно было», шепотом протянула девочка, ощупывая левой рукой правое плечо; а давеча бабка с Марьей за эту больную руку ее и поднимали, и с лавки она упала на эту же руку, и Василий потревожил ей эту руку, когда оттаскивал от старосты. Найденка опять вздохнула тем же тяжелым, прерывистым вздохом. Как зажгло и заломило у неё тогда плечо, когда она упала с окна... Да и теперь ломит. Тогда ее приютил у себя церковный караульщик, старик. Он накормил ее теплой кашей, закутал в полушубок и уложил спать на печке, «Доблинькай», с улыбкой закончила горемыка свои воспоминания об этой ночи.

Из-за реки, с лугов долетел неопределенный, тоскливый звук. Девочка прислушалась. Звук повторился. «Овеська», – прошептала она, и новые тяжелые воспоминания зароились в её бедной голове. Вот еще ночь; все ночи! Это было недавно, всего с неделю, в последнее ненастье. Мать ушла в город искать места, а они с отцом остались домовничать. Он ушел из дома с утра и вернулся в сумерки. Она сидела у окна и играла деревянными гвоздиками, которыми он прибивал подметки к сапогам и башмакам. Он так закричал на все, что она уронила коробку, и гвозди рассыпались. Тогда он схватил толстущий ремень, зажал ей голову между

колен и с плеча начал бить. Ведь те-то рубцы, которые давеча Кашеевы ребятишки видели, вот это они самые и есть; а Василий давеча, как поднял ее на руки, эти рубцы-то и разбередил; и Оленка, как стала ее утирать, тоже за рубцы схватилась; и староста тоже, когда снимал ее с печи, самый то больной из них рукой и придавил. Девочке до мельчайших подробностей припомнился минувший вечер. Одно за другим промелькнули перед ней неприязненные лица; припомнилось все, что про нее говорили, – и ни единой улыбки, ни единого ласкового взгляда!

– И завтля плибьют, – в безнадежной тоске прошептала она, припомнив давешния угрозы бабки за подойник, – и измученное воспоминаниями сердечко девочки через край переполнилось горечью. Она сложила на подоконник рученки, положила на них свою кудлатую голову и залилась слезами, но тихо-тихо, чтобы кто-нибудь не услышал.

«Бя-а-а!» – уже совсем явственно донеслось из за реки. Прерванные воспоминания девочки потянулись своим чередом. Тогда отец избил ее и, как всегда, выкинул на улицу. Было темно и холодно, дул ветер. Все тело её горело и ныло от ударов ремнем. В окнах огней уже не было – все спали; спал и дедушка-караульщик. Как хорошо бы теперь, если бы дедушка опять окутал своим полушубком; но дедушка не идет. Вдруг у крайней избы она наткнулась на что-то белое. Это была овца. Девочка чрезвычайно обрадовалась товарке-бездомовнице. Она тогда примостилась к ней и заснула.

«Бя-а-а!» – кричала и теперь овца за рекой. Найденке было очень жаль ее. «Пляцит», – шептала она, прислушиваясь к бляенью.

«Бя-а!» – совсем близко прокричала овца. Девочка встрепенулась, смахнула слезы, и в радостном волнении высунулась из окна. Из прогона, который был напротив и вел к плотине на старую водяную мельницу, выбежала овца и, припрыгивая, побежала вдоль села направо. Девочка даже засмеялась от радости. Она снова откинулась в избу и прислушалась. Было по-прежнему пусто и тихо, только в сенях слышался храп и сопенье. Найденка взяла со стола кусок хлеба из оставшихся от ужина, осторожно через окно вылезла на улицу и побежала отыскивать овечку.

Девочка нашла ее уже у ворот соседнего двора. С искренней радостью подбежала она к ней, протягивая кусок. Овечка осталась на месте и стала есть хлеб. Девочка присела к ней, любовно гладила ее, называла ее ласковыми именами и целовала. Думала-ли она в простоте сердца, что это была та самая овца, случайно тоже белая, или это было инстинктивное влечение ребенка приласкаться к кому-нибудь? Долго она возилась с овечкой и, наконец, мирно заснула.

IV

На востоке опять занималась заря. Как и накануне, все каждую минуту готовилось проснуться.

Вот опять, как и в прошлое утро, раздался точь в точь такой-же звук – сперва один, потом другой, повыше, потом третий, и в утреннем воздухе заплакала вчерашняя песня пастушьего рожка, такая же тоскливая и жалобная. Заскрипели ворота, замычали коровы, заблеяли овцы, раздались человечьи голоса.

Девочка спала в том самом положении, в каком заснула. Со двора вышла работница доить коров и спустила овец. Вчерашняя шатунья, завидя своих товарок, вскочила, как встрепанная, и девочка покатила на землю. В ту-же минуту она проснулась и поднялась на ноги. Увидав работницу, она каким-то летучим бегом, встряхивая космами, пустилась под гору к реке. Выбежавши на кочкарник, она огляделась и опять тем-же бегом, как будто спасаясь от погони, направилась к плотине и скрылась за рекой, в ивняке.

Было свежо, как и накануне. Болотная трава и кустарник стояли, словно окаченные росой. По одной из многочисленных тропинок, протоптанных через кустарник коровами, девочка ударилась бежать дальше и выбежала на широкую поляну, вдоль дальнего края которой, вплоть до полей, перпендикулярно к реке, тянулась канава и вал, отделявшие выгон от покосов. Девочка перебралась через канаву, взобралась на вал и начала осматриваться.

По ту сторону вала на огромном пространстве, как муравьиные кучи, были раскиданы копёшки недавно скошенного сена. Там было все пусто и тихо – косцы еще не пришли. Ближе к селу, по сю сторону вала, на открытой болотине, красовалась купа кустов, составлявших рамку небольшого, сажен десять в диаметре, почти круглого озерца, известного под названием Дальней Гривы. За лугами синей стеной стоял высокий осинник, куда ребята бегали за ягодами и за грибами, а на лесные озера – удить окуней. «Люга... лес... долёга», – шептала девочка, обводя кругом глазами. Со стороны плотины, из-за кустов послышался густой шум. Девочка оглянулась, «Колёвы», – прошептала она и опроретью, все тем-же летучим бегом понеслась вдоль вала к поляне. Поровнявшись с Дальней Гривой, она перелезла через канаву и юркнула в кусты. Стадо продолжало надвигаться. По луговой дороге медленно шел пастух – маленький, седенький старичок, и бойко покрикивал на коров.

Этот пастух был мордвин, родом откуда-то из под Оранок (монастырь Нижегородской губернии). Он пас в селе лет 15 и последние 5-6 лет жил здесь безотлучно, нанимаясь по зимам из за хлеба в работники. Приветливый, незлобивый, он был всей мелюзге большим приятелем: забавлял детвору всякими рассказами – то из личных наблюдений, то из слышанного от других; учил из лык плести мячи, делать дудки, и каждую весну по селу шла такая музыка, что все только ругались и гоняли ребят, кто как умел. Вообще, в истории детской духовной жизни нескольких поколений дед-пастух, неведомо для себя, сыграл немаловажную роль... И я до сих пор с удовольствием вспоминаю его чудные, наивные, нескладные рассказы про леших, кикимор, водяных, домовых, про нравы и обычаи коров, телят, лошадей, птиц и пр. и пр., особенно вот эти последние его рассказы из самодельной естественной истории. К тому же и человек он был прекрасный, с чистой, бескорыстной, детски незлобивой душой.

Но чем он особенно славился на целую округу, – так это игрой на своем самодельном рожке. Не хитрая штука – рожок, да еще самодельный, а какие удивительные вещи, всегда жалобные и грустные, дед играл на нем...

Над кустами со стороны плотины заколыхались грабли и косы – народ спешил в луга.

Пастух взошел на вал, вынул из-за пазухи тростинку и принялся делать дудку. Девочка, притаившись за кустами, глаз не сводила с него, чуть слышно комментируя про себя каждое его движение. К валу приближалась артель баб с граблями.

- Бог помочь, – крикнула одна.
- Бог спасет, – отвечал старик.
- Не видал ли тут девчонку, не пробежала-ли?
- Оленкина мамка, – одними губами прошептала девочка, удерживая дыхание.
- Али сбежала?
- То-то, сказывают, сюда будто пробежала.
- Нет, не видал.

Бабы прошли, и вслед за ними потянулись другие. А пастух все ладил дудку, время от времени зорко посматривая на коров.

- Бог помочь! Али дудку сломал? – кричали ему с дороги словоохотливые бабы.
- То-то сломал, ногой наступил, – откликнулся дед.

Долго возился он со своей дудкой, все прилаживал: то продудит, то подует, то вставит в рожок, то опять вынет.

Солнце поднималось все выше и выше и сгоняло росу. Косцы принимались за косы.

Наконец готова и дудка. Пастух вставил ее в рожок и заиграл то самое, что играл каждое утро, чего с таким нетерпением ожидали наскучившие безмолвием неугомонные звуки. Потом он заиграл что-то такое тоскливое, как будто про себя самого, про свою молодость и силы, размыканные по чужим полям, в уходе за чужим скотом, вдали от родной деревушки. Поняла дедову песню и Найденка, только жаль ей стало не деда, а себя самое – одинокую, голодную, холодную, брошенную на произвол чужих людей; и глаза её стали наполняться слезами, так что из-за них и деда стало не видно. Потом эти слезы покатались по грязным щекам, полились ручьями. Должно быть, и девочке много говорила дедова дудка. А дед все играл и чем дальше, тем тоскливее... «Смерть придет, и похоронить будет некому», как будто говорила его дудка, а девочка все плакала, но тихо-тихо, чтобы кто-нибудь не услышал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.